

- Бурыкин 2003 – Бурыкин А.А. Мотив наказания за инцест в фольклоре народов Приамурья: три возможных объяснения // Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона. СПб., “Петербургское востоковедение”, 2003. С. 238–247;
- Бурыкин 2005 – Бурыкин А.А. Этнозация образования и перспективы сохранения родных языков и традиционной культуры малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Материалы международной научно-практической конференции “Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири”. Новосибирск, 2005. С. 78–89.
- Кусургашев 1995 – Кусургашев Г.Д. Призраки колымского золота / предисл. Р. Гостева, Э. Ефремова. Воронеж 1995. (http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/auth_book61c0.html?id=85155&aid=39).

ЭО, 2012 г., № 1

© А.А. Субцельный. Рец. на: М.Д. Долбилов. *Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II* // *Historia Rossica*. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.

Так уж получилось, что усвоенная из школьных учебников истории классическая формула “самодержавие, православие, народность” если и находит себе применение сейчас, то лишь в виде речевых спекуляций во властном дискурсе. Между этой известной триадой графа Уварова, приведенной современными политиками к виду “единых границ, единой веры, единой нации”, и размытой сегодняшней российской повседневностью пролегает не то что пропасть, а целая бездна. Однако людям, не искушенным в историографии, куда более поразительным представляется тот факт, что и в Российской империи зачастую не очень понимали, как и при помощи кого/чего следует претворять декларируемое в жизнь. Социальные инженеры и рядовые исполнители того времени сталкивались помимо прочего с противоречивостью различных элементов и спотыкались о свои неверные представления, переосмыслившие *ad hoc* или же намеренно оставляемые неизменными, чтобы подмять под них саму реальность. О том, как преодолевались эти и другие трудности, о встрече “лицом к лицу” самих имперских властей с пестрой массой подданных в прежде незнакомых или непривычных ситуациях или контекстах” (с. 22) и рассказывается во внушительно-объемистой монографии М.Д. Долбилова “Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II”.

Как указывает автор, данная книга – «еще одна попытка добраться до центра империи – и ядра имперскости – “окольным” путем, через периферию» (с. 36). Таким образом, в фокусе оказывается функционирование на западных окраинах огромной страны в 1860–1870-х гг. имперского механизма, который реализует себя в своеобразных, порой причудливых формах, через единую национальную – нацию созидающую – политику, как она тогда понималась. Особую роль в соприкосновении бюрократии с населением при этом играло соотношение конфессионального и этнического факторов. Последний, впрочем, с трудом мыслился в XIX в. в отрыве от первого – известно, например, что этническая принадлежность при учете населения, как правило, определялась через установление вероисповедания (с. 16).

Александр Александрович Субцельный – студент отделения прикладной политологии факультета менеджмента НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург; e-mail: littlepyre@yandex.ru

Царская Россия периода правления Александра II в какой-то степени предстает в ипостаси “конфессионального государства”, своеобразного *Polizeistaat*, занятого поиском путей управления религиозной – а через нее и вообще всей – жизнью целых сословий. Сам М.Д. Долбилов выделяет два основных инструмента, находящихся во властном распоряжении: дисциплинирование и дискредитацию. С этими понятиями тесно связан также феномен “йозефинизма” – названной по имени Йозефа II государственной политики, ставящей целью подчинение церковных дел государственной регламентации и пристальному надзору. Однако использование кнута и засохшего пряника представляется отнюдь не столь простым и однозначным явлением, как можно было бы ожидать, потому как, по словам автора, “эти два принципа находились не столько в положении чередующихся альтернатив, сколько в отношениях взаимозависимости и даже взаимообратимости” (с. 748). Так, например, активная опека католического клира, заключавшаяся в контроле над обучением и пасторскими заботами, спокойно соседствовала с уважительным отношением к местным иудеям, а через какое-то время картина менялась с точностью до наоборот: “латинство” воспринималось в качестве своеобразного, неравноправного, конечно, но всё же партнера, тогда как иудаизм, впав в немилость, подвергался дискредитированию.

Вообще, хитросплетенная дихотомия как средств, так и областей воздействия занимает видное место в анализе и интерпретации М.Д. Долбиловым исторической ретроспективы, живописующей местами кипучую, местами – вялую и пассивную бюрократическую деятельность в сфере конфессиональной инженерии. Насущной необходимостью выступало разграничение всего религиозного на “чисто духовные” и “административно-духовные” дела, среди которых последние иногда представлялись более важными, предоставляющими прямой и непосредственный доступ к помыслам прихожан. Тихая, смиренная религиозность, тщательное соблюдение верующими обрядовой части виделись чиновникам как признаки лояльности и послушания власти. В то же время чрезмерная набожность, горячность молитвы приобретали угрожающий характер фанатизма, за которым скрывался призрак ультратрантанства. Таким образом, заимствуя терминологию автора, можно сказать, что в коллективном бюрократическом сознании происходило явное разделение “духа” и “буквы”.

Наряду с этим можно было наблюдать и двоякость веротерпимости: обратной стороной этой медали оказывалась интервенция, преподносящаяся не иначе как “во имя невмешательства” (с. 41), где надзор за религиозными делами означал одновременно и право, и обязанность государства. Очевидно, что господствовавшая вера – православие – также не имела шансов каким-либо образом избежать этой участи, в полной мере ощущая на себе всю полноту властного проявления. Более того, внешне нейтральную позицию невмешательства государства от случая к случаю приходилось трактовать по-разному. С одной стороны, молчаливо заявляя о своей отстраненности от духовных переживаний подданных, “Левиафан” словно бы уходил в тень, давая тот самый глоток свободы. С другой стороны, невмешательство грозило обернуться дискредитацией, которая принимала форму презрения по отношению к определенной конфессии и тем самым подрывала авторитет местных духовных лидеров и иерархов. Нечто подобное и произошло в 1830-х гг. с униатской церковью, которая была исключена власть предержавшими из числа привилегированных вероисповеданий, дабы подтолкнуть колеблющихся (как думалось реформаторам) униатов к переходу в православие. Кстати, что интересно, начало этого события совпало с завершением предшествовавшего ему подготовительного периода продолжительного дисциплинирования паствы для укрепления ощущения единства и исторической предопределенности к воссоединению с православными.

В рамках этой логики двойственности последовательно обыгрывается М.Д. Долбиловым и вынесенное в заглавие понятие “чужой веры”. Как предупреждает он читателей, “оно призвано на протяжении всей книги напоминать об опасной для историка силе внушения, заключенной в официальных идеологемах и клише”, однако это же выражение «отсылает к известному в антропологии религии механизму конструирования “чужой веры”» (с. 38). Рассматривать его следует в общем контексте конфессиональной политики Российской империи, концентрируя внимание на контрастном сравнении с положением православия и его оценкой современниками. Во многом проблемы повседневного функционирования православных приходов, недостатки личностных качеств духовенства, окормляющего паству, которые особо удручали радеющих за отечество, сублимировались и находили свое воплощение в тех или иных чертах “чужих вер”. Примечательным в этом плане представляется описанный в книге эпизод, когда видный чиновник у себя на приеме отчитал православного священника при католическом ксендзе за плохое радение о “духовных цадах”. Казалось бы, поступок недумосмысленный, говорящий сам за себя. Но истолковывать эту зарисовку следует как опять-таки выделение православия из

разряда прочих, как желание не столько распечь или наказать, а подчеркнуть особость, близость, пускай и за счет критики – “плохое, неказистое, но мое”.

Все эти взаимосвязи и явления становятся явными и выходят на поверхность благодаря вызывающему уважение исследовательскому, если можно так выразиться, “чутью”, за которым чувствуется весомый опыт научных изысканий. М.Д. Долбилов являет собой, по сути, пример цепкого и по-хорошему въедливого историка. Ему удается из мельчайших подробностей (которые еще надо разглядеть там, где они, мягко говоря, в глаза не бросаются), как из разноцветных лоскутков, сшить цельное полотно, достоверно и притом оригинально изображающее имперский *modus operandi* в построении нации при Александре II. Авторское умение интерпретировать и находить подтверждение своим предположениям приходится как нельзя кстати, позволяя опускаться на глубины, скрывающие пласты смыслов. В то же время назвать это высасыванием из пальца или просто домисливанием язык не поворачивается, хотя кому-то и может показаться, что автор ходит по грани.

В обязательном порядке хотелось бы отметить работу с источниками. Обширно и широко, чего и следовало ожидать с учетом вышесказанного, представлена разной степени формальности личная переписка функционеров и бюрократов, принадлежащих к различным сословиям, начиная чиновниками и заканчивая духовенством. Беспристрастному оку ученого – а следовательно, и взгляду читателя – предстают служебные записки, рапорты, конспекты речей, личные письма и проч. Именно анализ частных документов придает данному труду ту самую остроту, которой так недостает некоторым сухим, строгим произведениям, основывающимся преимущественно на официальной, казенной части, на бумагах делопроизводства, нежели на иных, подчас куда более информативных сведениях.

В свою очередь, проработка неформальных свидетельств эпохи с новой стороны в частности и всё произведение в целом дают возможность определить более точную расстановку сил среди элит – и местных, и приближенных к правителю – и взглянуть на личности исторических фигур с нового ракурса. Переосмысливается тема религиозности и связанных с ней стереотипов и представлений, свойственных различным слоям. Например, в связи с персоной самого Александра II, чей образ “молодого, реформистски настроенного монарха, которому надлежало подчиняться не за страх, а за совесть, – упрощенно выражаясь, как олицетворения благодати, а не закона” (с. 750) во многом ставился в противовес репрезентации Николая I. Однако, несмотря на то что, как сказали бы сейчас, имидж “Царя-Освободителя” подтверждался в поездках по монастырям и народном молитвенном благоговении перед царской особой, сам Александр в публичной жизни являл собой образ “элегантной безнародности”.

Радует также, что этот труд успешно сочетает в себе хорошую, даже образцовую научность, параллельно оставляя доступным для понимания рядовому читателю, не специализирующемуся в какой бы то ни было узкой области социальных наук. Монография изобилует научной терминологией, но не перегружена ею, тем самым автор вновь умудряется, в хорошем смысле, угодить “и нашим, и вашим”. Количество информации, заключенной в сноски, велико: на их долю приходится около 1/5 книги. Возвращаясь к использованному материалу, следует еще раз отметить массовое привлечение сведений, хранящихся в ряде крупных архивных фондов.

Если же мы перейдем к так называемым минусам произведения, то и здесь будем иметь дело с некой двойственностью. Нарекания читателя может вызвать стиль, который кому-то покажется несколько тяжеловесным: писать можно было бы и проще. Однако данное замечание следует отнести к категории субъективных характеристик, потому как этот аспект во многом является делом вкуса. По мнению же автора данных строк, такая манера письма придает книге определенную художественность – не по содержанию, но по форме, что делает процесс чтения более увлекательным, затягивающим. Кроме того, к недочетам можно причислить большой объем книги – не так легко одолеть 900 страниц. Но и это замечание субъективно по своей природе – серьезные работы, претендующие на признание в академической среде, не могут быть меньшими по объему, тем более если они затрагивают настолько фундаментальные вопросы.

Порекомендовать эту книгу к прочтению можно тем, кто: а) интересуется периодом правления Александра II, преломленным через призму этноконфессиональной политики; б) хочет узнать, как в действительности выстраивались взаимоотношения бюрократических структур того времени с адресатами “государственных услуг” – населением. И, без сомнения, рецензируемая книга должна лежать на столе у каждого законодателя или политика, встроенного в вертикаль власти и привлеченного к формированию национальной политики – в силу того, что настолько исчерпывающие летописи взлетов и падений социальных “протекторов” в наши дни появляются на свет нечасто.